

Г. С. Олькотт

ИНАУГУРАЦИОННАЯ РЕЧЬ ПРЕЗИДЕНТА ТЕОСОФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В будущие времена, когда беспристрастный историк будет писать труд о развитии религиозной мысли нашего столетия, он не сможет пройти мимо создания нашего Теософического Общества, на первом собрании которого, посвященном официальному провозглашению его принципов, мы присутствуем. В этом мы можем быть уверены. Одно лишь объявление о предполагаемом торжественном открытии такого движения привлекло внимание и вызвало немало дискуссий как в светской, так и в религиозной прессе. Для слуха кое-кого из вождей соперничающих сил богословия и науки оно прозвучало подобно отдаленному звуку трубы для сражающихся армий на поле битвы. Пока еще сигнал этот еле слышен и ничего не говорит ни о силе, ни о целях приближающегося отряда. Для каждой из сторон он, возможно, означает подкрепление, которое поможет изменить ход боя и привести к победе; может быть, он возвещает лишь о сборе нейтральных сил, для того чтобы следить за событиями, а может, угрожает обоим противникам поражением в бою и разоружением.

Из того немногого, что до сих пор было сказано по этому поводу, общественности еще не ясно, как следует относиться к этому «новому начинанию». Ни церковь, ни университетская наука не знают, какую им выбрать тактику: открытого обличения, шельмования, оскорбления или дружеских отношений. Некоторые светские журналы снисходительно ободряют Общество за то, что оно «оживляет прозаическую эпоху демонстрацией средневековых колдовских трюков», другие же обличают его как предвестника возвращения к «худшим формам фетишизма». Сторонники спиритуализма начали несколько недель назад с многочисленных и раздраженных протестов против его сторонников, якобы желающих вместо господствующих демократических отношений с миром иным насадить аристократический эзотеризм, и даже сейчас, когда они, кажется, наблюдают за нашим следующим ходом с величайшим интересом, их пресса изобилует клеветническими нападками. Ни одна из религиозных сект не рискнула выступить с определенным мнением, хотя наши предварительные шаги были встречены сдержанными отзывами в некоторых из их печатных органов.

Если таково положение дел сейчас, когда наше движение делает первые шаги и еще не нанесено ни одного удара, разве не имею я права повторить утверждение о том, что в будущие времена рождение нашего Общества должно будет рассматриваться как один из факторов задачи, которую придется разрешить историку?

Рассуждая о возможном будущем Теософического Общества, мы вовсе не должны принимать в расчет сегодняшнюю его малочисленность. Тысячу восемьсот семьдесят с чем-то лет назад вся христианская церковь могла поместиться в лачуге галилейского рыбака, а сегодня ее паства насчитывает сто двадцать миллионов человек. А двенадцать столетий назад единственный приверженец ислама — религии, объединяющей сегодня двести пятьдесят миллионов верующих, — предавался мечтам, оседлав верблюда.

Нет, вопрос о том, насколько сильное влияние окажет наше Общество на религиозную мысль (и, скажу больше, на науку и философию) нашей эпохи, — это не вопрос численности: великие события нередко имеют и гораздо более скромное начало. Мне не

нужно занимать время, приводя примеры событий, которые могут произойти с каждым из вас, для подтверждения моего мнения. Вопрос о фондах пожертвований и доходах не более важен, чем вопрос о численности: ученики, посланные Иисусом проповедовать, шли босиком, в лохмотьях, без мешка или сумы.

Что же тогда заставляет меня говорить то, что я сказал с глубочайшей серьезностью и с полным осознанием истинности? Что заставляет меня испытывать не только удовлетворение, но и гордость оттого, что на краткое время я стал глашатаем и номинальным главою этого движения, рискуя подвергнуться оскорблениям, шельмованию и всяческим подлым нападкам? То, что в душе своей я чувствую: за нами, за нашей маленькой группой, за нашей слабой новорожденной организацией собирается *могущественная сила*, которой ничто не может противостоять, — сила *Истины!* Ибо я чувствую, что мы — лишь авангард, удерживающий дорогу, пока не подошел главный отряд. Ибо я чувствую, что мы — в рядах борцов за священное дело, и правда, всемогущая ныне и вовеки, восторжествует. Ибо я вижу вокруг нас множество людей самых различных вероисповеданий, которые по чистому неведению поклоняются шарлатанским выдумкам или упадочным предрассудкам; они ждут лишь, чтобы им показали наглость и бесчестность их духовных наставников, дабы призвать их к ответу и начать мыслить самостоятельно. Ибо я, как искренний теософ, чувствую, что мы сможем обогатить науку такими доказательствами истины древней философии и придать ей такую универсальность древней науки, что ее стремление к атеизму будет приостановлено и наши химики, по выражению г-жи Блаватской, «примутся за работу, чтобы выучить новый алфавит науки на лоне Матери-Природы».

Лично я, как последователь теософии, теоретической и практической, уверен, что усилиями нашего Общества будут получены такие неоспоримые доказательства бессмертия души, усомниться в которых сможет лишь глупец. Я уверен: придет время, когда люди будут так же стыдиться того, что прежде исповедовали атеизм в любых его формах, как тридцать лет спустя будут стыдиться того, что когда-то имели рабов или поддерживали рабовладение.

Вспомните, что немного, совсем немного лет назад Уильяма Ллойда Гаррисона* вели по бостонским улицам с веревкой на шее. А теперь сравните это с современным состоянием вопроса о рабстве и скажите мне: разве есть что-то, чего *не могут* сделать несколько честных, решительных и бескорыстных людей? Почему я сам в 1859 году, рискуя головой, написал для нью-йоркской «Tribune» репортаж о повешении Джона Брауна?*** А в 1857 году, когда я был с визитом у сенатора Хэммонда штата Южная Каролина исключительно как студент, изучающий агрономию, и вне всякой связи с политикой, одна газета из города Августа рекомендовала посадить меня в тюрьму, так как я писал статьи для «Tribune», пусть даже только о сельском хозяйстве. Пережив подобные события и увидев столь полную перемену обстоятельств менее чем за два десятка лет, я чувствую: ни я сам, ни наше Общество не причиним себе вреда, проявив немного нравственной решимости ради такой благой цели. Пусть будущее само позаботится о себе; наша задача — сформировать настоящее, чтобы оно дало плоды, которые желательны для нас и принесут нам почет. Если мы честны друг перед другом и честны перед собою, мы преодолеем все преграды, победим всех врагов и достигнем того, к чему стремимся: спокойствия духа, происходящего от абсолютного знания. Если мы разобщены, нерешительны, медлительны, лицемерны, то наше Общество не сможет совершить того, что сейчас явно в его силах, и годы спустя мы, несомненно, будем скорбеть об упущенной возможности — той золотой удаче, какая за столетия выпадает лишь немногим избранным.

---

* Уильям Ллойд Гаррисон (1805—1879) — американский политический деятель, публицист, поэт, аболиционист (участник движения за отмену рабства). Основатель Американского общества борьбы с рабством (1833—1870). — Прим. ред.

** Джон Браун (1800—1859) — борец за освобождение негров-рабов в США. В 1855-56 возглавил антирабовладельческое восстание в Канзасе. Участвовал в деятельности «Подземной железной дороги» — тайной организации побегов негров-рабов из южных рабовладельческих штатов США на север. В 1859 г. Браун во главе небольшого отряда захватил правительственный арсенал в городе Харперс-Ферри (Вирджиния). Отряд был блокирован войсками и почти полностью истреблен, а сам Браун — повешен. — Прим. ред.

Но даже если бы нашему Обществу не суждено просуществовать и года, мы все равно жили бы не напрасно. Сегодняшний день принадлежит нам, а возможно, и завтрашний, но вчерашнего дня уже не вернуть. Природа устроена так, что любой импульс, пусть даже самый слабый, сообщенный материи, вечен, а последствия дела, однажды совершённого, будь оно велико или мало, рано или поздно должны проявиться. Бывало, судьбы народов менялись из-за мимолетного женского каприза; одно лишь слово, произнесенное в горах, может вызвать сокрушительную лавину, которая погребет под собою деревушку у ваших ног; свернув направо или налево, чтобы обойти камень, погнаться за бабочкой или удовлетворить какую-либо праздную прихоть, человек может изменить всю свою жизнь и вызвать этим прямые или косвенные последствия для всего мира.

Вокруг себя мы видим людей, вслепую сражающихся за освобождение своей мысли от церковного деспотизма и не видящих ничего, кроме слабого, мерцающего проблеска на беспросветно-черном горизонте своих религиозных представлений. Они борются, движимые неутолимым желанием сбросить кандалы, которые всё еще сковывают их хромающий разум, когда их быстрая интуиция уже вырвалась из этого плена. С одной стороны философствующие химики приглашают их узреть торжество материи, с другой — спиритуалисты распахивают раскрашенные двери своего «ангельского мира». Церковники же не пускают их вперед, шипя на ухо предупреждения и анафемы. И они колеблются, не зная, какой путь избрать. Наследники духовных исканий рода человеческого отступают перед перспективой полного исчезновения, которая под бременем жизненных невзгод, быть может, и не кажется им столь нежеланной, однако им никогда не верилось, что без следа должны исчезнуть дорогие и близкие существа, умершие юными и непорочными и оставившие после себя лишь нежный аромат, покинув разбитый алебастровый ларец и сокрывшись под Покрывалом Исиды.

Но когда за утешением и убеждением они обращаются к спиритизму, они наталкиваются на такой барьер обмана, встречают столько медиумов-жуликов, спиритов-лгунов и отвратительных общественных теорий, что с ужасом отступают, втайне сетуя на необходимость, вынудившую их пойти на это. Возможно, среди их знакомых есть немало людей нравственно безупречных, которые могут свидетельствовать, что общались с духами умерших друзей, и считают себя спиритуалистами. Однако они видят, что эти люди продолжают посещать свои церкви, держатся в стороне от спиритических собраний, а спиритические газеты читают тайком. Когда они спрашивают, почему это так, им обычно отвечают: к спиритизму примазалось такое множество безнравственных людей, а медиумов так часто уличают в обмане, что быть открытым сторонником спиритизма стало едва ли не позорно. Официальные органы этого движения извиняются за медиумов-шарлатанов, но при этом требуют, чтобы скептики рассматривали только подлинные феномены спиритизма, не учитывая множество случаев мошенничества, и забывают, что для этого требуются стальные нервы и твердая решимость раскапывать целые кучи навоза, чтобы найти в них хоть что-нибудь ценное.

Протестантские секты исходят из фатального допущения, что непогрешимая и боговдохновенная Библия выдержит испытание разумом, и тем самым предрекают собственную судьбу. Ибо аналитической силе разума полагают предел лишь установленные факты, и ныне среди руин древности ежедневно совершаются новые открытия, угрожающие самому основанию, на котором покоится вся система христианства. Самые отважные

исследователи приходят из рядов протестантов, и эта религия, претендующая на роль владычицы нашей совести, становится жертвой собственных детей. Католическая же церковь, воздвигнувшая теократию на обломках древних религий и похитившая у них не только аллегории, но и самые сокровенные символы, подправив их для собственного употребления, собирает сегодня силы для схватки, которая, как ей слишком хорошо известно, уже совсем близка и будет смертельной. Взбешенная прогрессом эпохи, который погасил ее костры, разрушил ее камеры пыток, затупил ее топор и запретил ей омыwać руки в человеческой крови, ныне она действует хитростью, исподтишка, но с ревностным стремлением отвоевать потерянную верховную власть. Это «подводное течение» можно увидеть в постыдном «оранжевом мятеже» 1872 года, в недавнем приговоре, вынесенном в Париже несчастному Леймари, в деле монреальца Гибора, похороненного совсем недавно под охраной эскорта из тысячи трехсот вооруженных полицейских, пехоты и артиллерии; гроб был залит тонной портлендского цемента для защиты праха от разъяренных католиков, потому что Гибор принадлежал к обществу, разрешавшему либеральные книги в своей библиотеке! От нашего взгляда не укроются и тайные махинации католической церкви по извращению своего вероисповедания, открытие школ, колледжей, женских и мужских монастырей, планы преобразования части наших общеобразовательных школ в церковные, строительство дорогостоящих соборов, переименование приходов в епископаты, а епископатов — в архиепископаты.

На чем стоит католическая церковь или любая другая церковная организация, как не на врожденном стремлении человека к бессмертию, на неясности нашего видения иного мира, которое затуманено материей, на назойливости материальных нужд, заставляющих нас принять вмешательство избранного класса духовных наставников и толкователей или обходиться лишь той духовной пищей, которую мы можем подобрать на обочинах пыльной дороги, по которой устало плетемся от юности до старости?

Если основатели Общества искренни перед самими собой, они примутся за работу, чтобы изучить вопрос религии с точки зрения древних народов, собрать их мудрость, подтвердить истинность предположительно сделанных ими теософических открытий (я говорю *предположительно* как президент независимого и незаинтересованного исследовательского общества; однако как частное лицо я пропустил бы это слово, несколько не сомневаясь в их подлинности) и внести в общее дело всякий вклад, представляющий общий интерес. Если здесь присутствуют люди, которые приступили к делу, не рассчитав затрат; если здесь присутствуют люди, думающие извратить суть нашей организации в сектантских или иных эгоистических целях; если здесь присутствуют трусы, желающие встретиться с нами тайком, понося нас публично; если здесь присутствуют люди, с самого начала надеющиеся или рассчитывающие подогнать всё под собственные предвзятые мнения, невзирая на доказательства; если здесь присутствуют люди, которые, принимая провозглашенный в нашем уставе широкий и мужественный принцип как можно более полного раскрытия *всех* законов природы, делают для себя оговорку, что отступятся от нас, если под угрозой окажутся их любимые теории, верования или интересы, — если здесь находятся такие люди, я со всей доброжелательностью умоляю их покинуть нас сейчас, пока еще можно избежать при этом грубых слов и тяжелых чувств. Ибо, насколько я понимаю дух нашего Общества, оно посвящает себя неустрашимому и сознательному исследованию истины и обязуется (как само Общество в целом, так и каждый его член в отдельности) не терпеть *никаких* препятствий на своем пути. Что же касается меня самого — бедного, слабого человека, для которого избрание на эту почетную и опасную должность — честь слишком великая и незаслуженная, то я могу лишь сказать, что в здоровье или в болезни мои сердце, душа, разум и силы целиком отданы нашему делу, и пока во мне останется хоть искра жизни, я буду стоять твердо, даже если все мои соратники уйдут и оставят меня в одиночестве. Но я не останусь в одиночестве, как не останется в одиночестве и Теософическое Общество. Даже

сейчас в Соединенных Штатах открываются отделения нашего Общества. Оно уже замечено в Англии, и мне говорят, что в одном из крупнейших ежеквартальных журналов вот-вот должна появиться статья на эту тему. Не имеет большого значения, будет ли ему оказан дружеский или враждебный прием; мы заявим о своем вызове и протесте и можем спокойно предоставить всему остальному развиваться естественным путем.

Если я правильно понимаю нашу работу, то ее цель — помочь общественному сознанию освободиться от предрассудков богословия и от покорного раболепия перед самонадеянностью науки. Как бы много или мало мы ни смогли совершить, думаю, вряд ли было бы возможно на что-то надеяться, если бы работа наша началась в какой-либо стране, не допускающей полной политической и религиозной свободы. Разумеется, даже попытки начать ее были бы бесполезны везде, кроме такой страны, где все религии равны перед законом и неортодоксальная вера не является причиной ущемления гражданских прав.

Наше Общество — можно сказать, первое в своем роде. Со времен, когда неоплатоники и последние александрийские теурги были разогнаны смертоносной рукой христианства, и до наших дней возродить изучение теософии не пытался никто.

Да, были тайные общества — политические, коммерческие, промышленные, были общества масонов и их потомков, но они не пытались, даже втайне, проделать работу, которая предстоит нам и которую мы будем выполнять открыто.

Мы должны показать протестантским и католическим сектам, что многие из их самых священных идолов и наиболее почитаемых догм имеют языческое происхождение, а либеральным умам в науке — глубокие научные прозрения древних магов. Общество достигло той точки, когда *что-то* должно быть сделано; именно нам и предстоит указать, где это *что-то* можно найти.

Если попытаться сравнить нашу организацию с ее прообразом, то где же нам искать его? Это не может быть теургия, ибо теурги не только верили в Бога, но и знали его и его качества, какими они существуют в астральном свете, или, как он назывался у древних каббалистов, в Матрице Мира. У теургов было два вида мистерий — *экзотерические*, то есть открытые для публики, и *эзотерические*, то есть тайные. К экзотерическим мистериям относилось чудотворство во время публичных церемоний, когда, например, статуи начинали ходить, разговаривать и пророчествовать. Говорили, что подобные эффекты производились при помощи сил природы и духов стихий, скрытых в астральном свете. Поскольку практическое осуществление даже экзотерической теургии опасно, оно было предоставлено высшим жрецам и «посвященным внешнего храма». Однако настоящие эзотерические мистерии совершались главным образом иерофантами.* Для этого нужно было жить в строжайшей чистоте и самоотречении — так, как жили Иисус или Аполлоний. Разумеется, Теософическое Общество нельзя сравнивать с древней школой теургии, ибо едва ли кто из его членов полагает, что овладение оккультным знанием требует больше жертв, нежели изучение любой другой отрасли знания.

---

* Иерофант (греч.) — букв. «тот, кто разъясняет священные понятия»; служитель священных мистерий, раскрывающий священное знание и главный среди посвященных. — Прим. ред.

Неоплатоники образовали философскую школу, которая возникла в Александрии одновременно с христианством и стала последней публичной школой теургии. Свое учение о душе она основывала на системах Пифагора и Платона, но гораздо больше почерпнула из первоисточника всех религий — из книг Гермеса и Вед, соответственно египетских и индийских. Не меньше красок привнесла в неоплатонизм и иудейская каббала, ибо,

поскольку истинная теургия к тому времени уже пришла в упадок и немногие оставшиеся ее адепты искали уединения у ессеев или в Индии, неоплатоники утратили доступ к истинным трактатам о Божественной Науке (которые были тщательно собраны и спрятаны в тайном месте за несколько дней до сожжения Александрийской библиотеки Юлием Цезарем) и, таким образом, им пришлось вернуться к каббале Моисея и Семидесяти. Неоплатонизм был пропитан духом как Востока, так и Запада, и его толкователи пытались представить элементы теософии и философии в соответствии с изначальными доктринами восточных пророков и в сочетании с поэтическим платонизмом и позитивизмом Аристотеля в форме греческой диалектики. Собственно, доктринами их были: восточное учение об *эманации*, пифагорово *число гармонии* и платоновские идеи творения и отделения от чувственного мира.* Они верили в духов стихий, вызывали их и управляли ими, и этот момент представляет для нас особый интерес.

---

* См. Ennemoser, History of Magic.

Конечно же, мы не можем отнести себя и к числу американских спиритуалистов, безусловно принимающих на веру то, что все настоящие феномены производятся бесплотными духами. Некоторые из нас безоговорочно верят в случающееся время от времени возвращение человеческих духов и в существование истинных медиумов, а некоторые не верят ни в то, ни в другое. Кроме того, некоторые не только допускают, что человеческая воля способна — осознанно или неосознанно — руководить оккультными силами природы и достигать в этом поразительных результатов, но и признают в большинстве физических феноменов, называемых спиритическими, участие духов стихий, которые часто выдают себя за лиц, не общающихся со спиритическими кружками, отвечают на мысленные вопросы, видимые ими «так же ясно, как камушки в воде ручья», и эхом откликаются на каждый причудливый каприз, волнующий ум вопрошающего.

Собственно спиритизм был распространен в Древнем Риме времен Аммиана Марцеллина,* который сообщает нам, что при императоре Валенте, в 371 году нашей эры, несколько греков, желавших создать теургическое общество, были привлечены к суду за попытку узнать при помощи магических искусств имя наследника римского престола. Для этого они воспользовались столиком в форме треножника, который в качестве улики был представлен в суде. Под пытками они признались в следующем: «Мы изготовили этот столик из лаврового дерева под покровительством высших сил. После того как мы должным образом освятили его, произнеся над ним молитвы, положенные согласно трактатам, похищенным нами у верховного жреца в Дельфах, и проделали с ним магнетические манипуляции, нам удалось заставить его изрекать пророчества». Над столиком висело прикрепленное к потолку большое бронзовое кольцо, которое раскачивалось в разные стороны и, ударяясь о буквы, вырезанные на краях столешницы, передавало пространственные сообщения. Валент ненавидел одного добродетельного мужа по имени Теодор, и когда кольцо коснулось букв T-h-e-o-d и остановилось, император повелел предать его смерти, ибо тогда предмет его неприязни уже наверняка не оказался бы на троне. Однако убийство оказалось тщетной предосторожностью, ибо императорская порфира перешла к Феодосию: предсказание, полученное при помощи столика, всё же оказалось верным! Между явлениями современного спиритизма и эффектами, производившимися теургами, существует различие: если спонтанные случаи общения спиритов с духами не могут заслуживать доверия, будучи неподтвержденными, то подобные случаи у теургов не могут быть недостоверными, поскольку адепты не позволяли приближаться или говорить духам, не достигшим высших ступеней развития.

---

* Аммиан Марцеллин (ок. 330—ок. 400) — римский историк. Автор «Деяний», описывающих события от

правления императора Нервы (конец 1 в.) до 378 года. Из 31 книги до нашего времени дошли 14—31-я (период с 353 по 378 гг.). Валент (ок. 328—378) — император восточной части Римской империи (с резиденцией в Константинополе) с марта 364 г. Младший брат и соправитель Валентиниана I. — Прим. ред.

Явления месмеризма, которые нуждаются в нашем тщательном изучении, были известны уже в глубокой древности и описаны Сенекой, Марциалом, Плавтом и Павсанием.

Мы не являемся представителями школы стоиков, ибо «они считали, что Вселенная состоит из материи, и представляли ее себе неким огромным живым существом, которое живет, потому что ему ничто не препятствует». Кроме того, последователи Зенона учили, что человек должен не только быть свободным от страстей и равнодушным к радости и горю, но и подчиняться неизбежной необходимости, управляющей всеми вещами. Мы же основываем наше Общество в знак нашего недовольства теперешним положением вещей и стремясь создать нечто лучшее.

---

* См.: Howitt. History of the Supernatural.

Наконец, мы не имеем ничего общего и с атеистами-атомистами, ведь они рассматривали все вещи как скопления атомов, поскольку материя может быть разделена на частицы, и, следовательно, отрицали существование неделимых и бестелесных существ, а уже само название нашего Общества говорит о том, что мы надеемся при помощи физических процессов получить знание о существовании Высшего Разума и мира духов.

Нет, мы — ни те, ни другие, мы — просто исследователи, честные и непредвзятые, мы изучаем и доказываем все явления и придерживаемся того, что хорошо.

Плотин, Порфирий, Ямвлих, неоплатоники — все они занимались теургией поодиночке и, встречаясь, делились друг с другом результатами исследований и экспериментов. Их неофиты обязаны были строго соблюдать это правило, и все должны были защищать и поддерживать каждого философа, в особенности теурга, откуда бы он ни приходил и какую бы школу ни представлял.

Все герметисты Средневековья были неоплатониками, унаследовавшими их доктрины. В некотором отношении мы похожи на них, однако они должны были следовать догмам, которых мы, согласно нашему уставу, не имеем; кроме того, для них теософия была предметом веры, тогда как мы, за исключением двух-трех человек, являемся просто исследователями, берущими на себя задачу гораздо более сложную, поскольку у нас под рукою нет готового материала для веры и мы должны создать его сами.

Мы принадлежим своему времени — и всё же на несколько шагов опережаем его, хотя некоторые журналы и авторы памфлетов, скорее бойкие на язык, нежели правдивые, уже обвинили нас в том, что мы — мракобесы, отвергшие свет современности (!) ради тьмы средневековья и древности! Мы ищем, исследуем, ничего не отбрасываем без причины и ничего не принимаем без доказательств: мы — ученики, а не учителя.

Мы должны познакомиться с многогранными возможностями человеческой души и подвергнуть испытанию заявления о могуществе человеческой воли. Месмеризм, спиритизм, од,* астральный свет древних (ныне именуемый вселенским эфиром) и его потоки — всё это представляет собою широчайшие и весьма захватывающие области для исследования. На наших собраниях, которые будут проводиться два раза в месяц, мы будем в целях просвещения заслушивать сообщения членов Общества и его именитых корреспондентов из Соединенных Штатов и других стран об исследованиях и экспериментах, а также, когда

представится случай, проводить испытания, эксперименты и практические демонстрации. Насколько нам позволят денежные средства, мы будем издавать и распространять свои документы и переводить, переиздавать и публиковать труды великих учителей теософии всех времен.

---

* Од (от греч. *odyle*) — особое излучение, исходящее от людей, открытое и многосторонне исследованное бароном Карлом фон Райхенбахом (1788—1869) — немецким философом и химиком. — Прим. ред.

Однако до тех пор, пока не будет достигнута гармония между пока еще несовместимыми направлениями нашего движения и углубление знакомства с предметом наших исследований не приведет к появлению общего интереса, я не ожидаю, что на наших общих собраниях мы будем свидетелями таких теургических явлений, какие демонстрировались в древних храмах.

Этих результатов невозможно достичь без полной общности мысли, воли и желания точно так же, как для Иисуса невозможно было творить чудеса в Назарете, среди царившего там неверия, или для Павла — в Афинах, где народ знал, как сдерживать действие тонких потоков, которыми он управлял собственной волей. Один-единственный человек с очень сильной и враждебной волей способен, оказавшись в спиритическом кругу, совершенно разрушить медиумическую силу. Будь профессор Тиндаль* знаком с этим законом, он никогда не написал бы такой чепухи в Диалектическое общество. Профессор Стейтон Моузес** из Лондонского университетского колледжа пишет мне, что, по его опыту, одного появления такого человека — даже не в самой комнате, но в доме — часто бывало достаточно. М-р Крукс*** сообщает, что его медиум Флоренс Кук лишилась своих способностей на несколько месяцев, всего лишь раз пройдя по Риджент-стрит: каждый прохожий, который слегка задевал ее, отнимал частицу ее медиумической силы. Если она действительно медиум, а не мошенница и самозванка, я не сомневаюсь в возможности подобного случая. Всякий, кто изучал месмеризм, знает, что нельзя добиться никакого удовлетворительного результата без совершенного согласия между участниками эксперимента и зрителями, стоящими поблизости. Если это так, то как же мы можем надеяться, что в качестве общества сможем получить какие-либо выдающиеся примеры власти адепта-теурга над тонкими силами природы?

---

* Тиндаль Джон (1820—1893) — английский физик, автор трудов по акустике, диамагнетизму, рассеянию света в мутных средах.

** Стейтон Моузес Уильям (писал под псевдонимом М.А.Оксон (Oxon) — один из лидеров спиритуалистического движения, медиум, автор многих блестящих статей. Принимал также участие и в теософическом движении.

*** Крукс Уильям (1832—1919) — английский физик и химик: исследовал электрические разряды в газах и катодные лучи; обнаружил явление сцинтилляции — люминесценции под действием ионизирующих лучей; создал спинтарископ — прибор для их наблюдения; открыл химический элемент таллий. Член Теософического Общества. — Прим. ред.

Здесь-то и настает черед тех открытий, о которых заявляет м-р Фелт.* Не считая себя теургом, месмеристом или спиритуалистом, наш вице-президент обещает при помощи простого химического оборудования показать нам, как ранее показывал другим, невидимых для нас существ, населяющих стихии. Задумайтесь на мгновение об этом поразительном заявлении! Представьте себе последствия практической демонстрации его истинности, для которой м-р Фелт готовит сейчас необходимые приборы! Что скажет церковь о целом мире существ, обитающих на ее территории, но вне сферы ее полномочий? Что скажут академики об этом потрясающем доказательстве существования невидимой Вселенной, приведенном самой прозаической из наук? Что скажут позитивисты,** столько болтавшие о

невозможности присутствия существ, которых нельзя взвесить на весах, профильтровать через воронку или разрезать скальпелем? Что скажут спиритуалисты, увидев, как сквозь столб густого тумана проскальзывают ужасные очертания сущностей, которым они в слепоте своей тысячу раз поклонялись как теням своих умерших родственников и друзей?

---

* Фелт Джордж Генри — вице-президент Теософического Общества с 1875 г. — Прим. ред.

** Позитивисты — последователи философского направления позитивизма (от лат. positivus — положительный), основанного в 1830-х гг. О. Контом. Позитивизм исходит из того, что всё подлинное (позитивное) знание есть совокупный результат специальных наук; наука же не нуждается в какой-либо стоящей над ней философии. Позитивизм оказал большое влияние на методологию естественных и общественных наук, особенно во второй половине XIX в.

Увы, бедные спиритуалисты, издатели и корреспонденты, смеявшиеся над моей дерзостью и отступничеством! Увы, лоснящиеся ученые, непомерно раздутые ветром публичных аплодисментов! Близится час расплаты, и Теософическое Общество, когда эксперименты м-ра Фелта увенчаются успехом, войдет в историю как организация, впервые продемонстрировавшая существование «духов стихий» в девятнадцатом столетии, в наш век тщеславия и неверия, даже если это останется ее единственной заслугой.